

Ганс Гейнц Эверс Египетская невеста

Я видел в свете много чудесного.
Вальтер фон дер Фогельвейде

Искать комнату! Что может быть неприятнее этого занятия? Вверх по лестнице, вниз по лестнице, из одной улицы в другую, всегда одни и те же вопросы и ответы, о боже ты мой!

Я отправился на поиски в десять часов, а теперь было уже три. Разумеется, я устал, как карусельная лошадь.

Однако еще раз наверх - в третий этаж.

- Нельзя ли посмотреть комнату?

- Пожалуйста.

Хозяйка повела меня через темный коридор и открыла дверь.

- Здесь!

Я вошел. Комната была высока, просторна и не очень скудно меблирована. Диван. Письменный стол, кресло-качалка - все как следует!

- А где спальня?

- Дверь налево.

Хозяйка отворила дверь и показала мне помещение. Даже английская кровать. Я был восхищен.

- А цена?

- Шестьдесят марок в месяц.

- Прекрасно! А на рояле у вас играют? Маленькие дети у вас есть?

- Нет, у меня всего только одна дочь. Она замужем в Гамбурге. На рояле тоже никто не играет. Даже внизу.

- Слава Богу, - сказал я, - в таком случае я нанимаю комнату.

- Когда хотите вы переехать?

- Если вам удобно, то сегодня же.

- Конечно, удобно.

Мы снова вошли в первую комнату. В противоположной стене была еще одна дверь.

- Скажите пожалуйста, - спросил я хозяйку, - куда ведет эта дверь?

- Там еще две комнаты.

- Там вы живете?

- Нет, я живу по другую сторону. Комнаты эти сейчас не заняты. Они тоже отдаются жильцам.

Меня вдруг озарило.

- Но те комнаты, надеюсь, имеют отдельный выход в коридор?

- К сожалению, нет... Господин доктор уж должен согласиться на то, чтобы другой жилец проходил через его комнату.

- Что? - вскрикнул я. - Благодарю покорно! Я должен пускать через свою комнату чужих людей? Нечего сказать, прекрасно!

- Итак, вот почему комната была так дешева! Поистине, трогательно. Я едва не лопнул от досады, но так устал от беготни, что даже не мог выбраться как следует.

- Возьмите, коли так, все четыре комнаты, - предложила хозяйка.

- К чему мне четыре комнаты? - проворчал я. - Черт бы побрал их.

- В это мгновение позвонили. Хозяйка пошла отворять и оставила меня одного.

- Здесь отдаются меблированные комнаты? - услышал я.

- "Ага, еще один!" - подумал я. И я заранее радовался тому, что скажет этот господин в ответ на милое требование хозяйки. Я быстро вошел в комнату направо, дверь в которую

оставалась открытой. Это было средней величины помещение, служащее одновременно и спальней, и жильем. Узенькая дверь на противоположной стороне вела в маленькую пустую комнатку скудно освещенную небольшим окном. Это окошечко, как и другие окна этой комнаты, выходило на огромный парк, один из немногих, которые еще сохранились с Берлине...

Я вернулся в первую комнату. Предварительные переговоры были исчерпаны, и новый наниматель должен был сию минуту увидеть обратную сторону медали. Но я ошибся. Не спросив даже о цене, он объявил, что эта комната ему не годится.

- У меня есть еще две другие комнаты, - сказала хозяйка

- Не можете ли вы показать мне их?

Хозяйка и новый наниматель вошли в комнату, где был я. Он был мал ростом, в коротком черном сюртуке. Окладистая светлорусая борода и очки. Он имел совершенно бесцветный вид - один из таких людей, мимо которых проходят, не замечая их.

Не обращая на меня никакого внимания, хозяйка показала ему обе комнаты. К большой комнате он не проявлял никакого интереса, но маленькое помещение, наоборот, он осмотрел очень внимательно, и оно, по-видимому, ему весьма понравилось. А когда он заметил, что окна выходят в парк, у него на лице даже выступила довольная улыбка.

- Я хотел бы взять обе эти комнаты, - объявил он.

Хозяйка объявила цену.

- Хорошо! - сказал маленький господин. - Я сегодня же перевезу сюда свои вещи.

Он поклонился и повернулся к выходу.

- А куда выйти?

Хозяйка сделала безнадежную физиономию.

- Вам придется выходить через предыдущую комнату.

- Что? - сказал господин. - У этой комнаты нет отдельного выхода? Я должен всегда ходить по чужой комнате?

- Возьмите в такой случае все четыре комнаты! - простила хозяйка.

- Но для меня это слишком дорого - четыре комнаты... Господи Боже! Значит, опять приходится начать беганье.

У бедной хозяйки побежали по щекам крупные слезы.

- Я никогда не сдам комнат! - сказала она. - За последние две недели приходило до ста нанимателей: всем им нравились комнаты, но все отказались брать их, потому что глупый архитектор не сделал двери в коридор. Этот господин тоже совсем было уж остался.

Она указала на меня и вытерла глаза фартуком.

- Вы тоже хотели нанять эти комнаты? - спросил меня маленький господин.

- Нет, другие. Но я, конечно, отказался от удовольствия постоянно впускать в комнату посторонних людей. Впрочем, вы можете утешиться: я тоже уже с десяти часов утра в поисках.

Наше короткое собеседование возбудило в хозяйке опять некоторую надежду.

- Господа так хорошо понимают друг друга, - промолвила она, - может быть, господа нашли бы возможным взять четыре комнаты сообща?

- Покорно благодарю! - возразил я.

Маленький господин внимательно поглядел на меня и затем обратился ко мне:

- Я совершенно изнемог от поисков, - промолвил он, - а эти две комнаты подходят для меня как нельзя более. Что, если бы мы сделали попытку...

- Но ведь я вас совсем не знаю! - сказал я раздраженно.

- Мое имя Фриц Беккерс. Я очень тихий человек и почти не буду вам мешать. Если же окажется, что вам это неудобно, вы можете всегда отсюда уехать. Ведь это не брак.

Я молчал. Он продолжал:

- Я предложу вам следующее: общая цена за все эти комнаты девяносто марок. Будем класть на каждого по половине. Я должен иметь право свободного прохода через вашу комнату, а кроме того, я хотел бы по утрам пить кофе в вашей комнате. Я не люблю

завтракать в той комнате, в которой сплю.

- Пейте кофе в маленьком помещении.

- Оно мне будет служить для... для другой цели. Но еще раз уверяю вас, что я никоим образом не буду вам в тягость.

- Нет! - промолвил я.

- Ну, тогда, - возразил господин Беккерс, - тогда, конечно, ничего не поделаешь. Тогда нам обоим не остается ничего другого, как отправиться на охоту.

- Снова вверх по лестнице, вниз по лестнице... приятнее разбивать камни на большой дороге...

- Погодите! - обратился я к нему. - Я, пожалуй, попробую проделать этот опыт.

- И отлично!

Хозяка сияла:

- Сегодня счастливый день.

Я подписал условие и попросил ее послать за моими вещами. Затем я распрощался. Я чувствовал адский голод и отправился где-нибудь пообедать.

Но уже на лестнице я стал сожалеть о своем решении. Всего охотнее я вернулся бы и взял бы свои слова обратно.

На улице я встретился с Паулем Гаазе.

- Куда? - спросил я.

- Я не имею местопребывания. Я ищу.

Я пришел сразу в хорошее настроение. По крайней мере, у меня теперь было "местопребывание". Я отправился с художником в ресторан, и мы очень основательно поели.

- Пойдемте сегодня вечером на праздник художников, - предложил мне Гаазе. - Я приду за вами.

- Хорошо!

Когда я вернулся в мое новое жилище, мои чемоданы уже были там. Хозяка и артельщики пришли ко мне на помощь, и часа через два все было благоустроено: олеографии и безделушки были убраны, и комната до некоторой степени приобрела характер ее нового жильца.

В дверь постучали.

Вошел художник.

- А, у вас здесь очень недурно... Вы устроились с толком и со смыслом, - решил он. - Но пойдемте. Уже девять часов.

- Что? - Я взглянул на часы. Он был прав.

В это мгновение в дверь снова постучали.

- Войдите!

- Извините, это я.

В комнату вошел Беккерс; двое артельщиков тащили за ним огромные ящики.

- Кто это такой? - спросил пауль Гаазе, когда мы уже сидели в трамвае.

Я открыл ему секрет моей комнаты.

- Ну, вы, кажется, сели в лужу... Впрочем, нам здесь выходить...

На другое утро я поднялся довольно поздно. Когда хозяйка принесла чаю, я спросил ее, завтракал ли уже господин Беккерс.

- Еще в половине восьмого, - ответила она.

Это было мне очень приятно. Если он всегда встает так рано, то он не будет мне в тягость. И в самом деле, я вообще не видел его. Я прожил в своем новом жилище три недели и почти совсем позабыл о своем сожителе.

Однажды вечером, часов около десяти, он постучался в дверь, разделявшую наши владения. Я крикнул: "Войдите!", - и Франц Беккерс отворил дверь и вошел в мою комнату.

- Добрый вечер! Я вам не мешаю?

- Ничуть. Я как раз только что покончил с моим писанием.

- Значит, я могу на минуту зайти к вам?

- Пожалуйста. Но только с одним условием: вы курите длинную трубку, а у меня душа не переносит ее. Сигар или сигареток я могу предложить вам сколько угодно.

Он вернулся в свою комнату, и я слышал, как он выколачивал трубку об окно. Затем он снова явился и закрыл за собою дверь. Я пододвинул к нему ящик с сигарами.

- Пожалуйста.

- Благодарствуйте. Короткую трубку вы тоже не можете переносить?

- Напротив, переношу очень хорошо.

- В таком случае, позвольте, я набью ее.

Он вытащил из кармана короткую английскую трубку, набил ее и зажег.

- Я в самом деле не мешаю вам? - снова спросил он.

- Да нет же. Ничуть. Я дошел в своей работе до мертвой точки и, так или иначе, но должен прекратить ее. Мне требуется описание праздника Озириса. Завтра утром я схожу в библиотеку. Там я, наверное, найду что-нибудь.

Фриц Беккерс улыбнулся.

- Может быть, я мог бы вам помочь?

Я задал ему несколько вопросов, а он дал мне на них весьма подробные и обстоятельные ответы.

- Вы ориенталист, господин Беккерс?

- Немного, - ответил он.

С этого дня он стал иногда заходить ко мне. Он являлся ко мне по большей части поздно вечером, выпить стакан грога. Иногда я сам звал его. Мы очень охотно беседовали друг с другом о самых разнообразных предметах. Фриц Беккерс, по-видимому, был сведущ во всех областях. Только о себе самом он отклонял всякие разговоры.

Он был немного таинствен. Перед дверью, которая вела в мою комнату, он повесил тяжелый персидский ковер, который совершенно заглушал всякий шум. Когда он выходил из дома, то крепко запирали за собою дверь, и хозяйка могла входить к нему в комнату только утром для приборки, когда он завтракал в моей комнате. Во время субботней всеобщей чистки он упорно оставался дома, садился в кресло и курил трубку, пока хозяйка не кончала своей возни. При этом в его комнате не было ничего такого, что бросалось бы чем-нибудь в глаза. Конечно, за исключением маленькой комнатки, где могли скрываться самые невероятные вещи. Дверь в эту комнатку тоже была завешена тяжелым ковром, а кроме того, он велел сделать на ней два крепких железных засова, которые запирали американскими наборными замками.

Хозяйка, разумеется, проявляла ужасающее любопытство к таинственной комнатке, в которой Беккерс работал целый день. В один прекрасный день она отправилась в большой парк напротив; она с большим трудом завела знакомство с садовником для того только, чтобы хоть разик взглянуть оттуда на маленькое окно.

Может быть, она увидит в нем что-нибудь?

Но она не увидела ничего. Окно было выставлено, чтобы дать большой доступ свежему воздуху, но изнутри оно было все-таки завешено черным платком.

Однажды при случае хозяйка задала своему жильцу вопрос:

- Почему, собственно, вы всегда завешиваете маленькое окно, господин Беккерс?

- Я не люблю, чтобы меня наблюдали посторонние за моей работой.

- Но ведь напротив нет никого. Никто не может вас видеть.

- А вдруг кто-нибудь залезет в парке на высокий вяз?

Вне себя от удивления хозяйка передала мне этот разговор. Что ж это был за такой таинственный человек, который мог думать о таких возможностях?

- Вероятно, он фальшивомонетчик, - сказал я.

Начиная с этого дня каждая марка и каждый грош, выходившие из рук господина Беккера, подвергались тщательному исследованию. Хозяйка с умыслом попросила его разменять несколько банковских билетов, и все деньги, которые он ей дал, отнесла показать знакомому банковскому чиновнику. Их рассматривали под лупой, но между ними не

оказалось ни одной фальшивой монетки. К тому же господин Беккерс каждое первое число получал с почты двести марок и никогда не тратил всей этой суммы. С производством фальшивой монеты, таким образом, было покончено.

Посетителей у господина Беккерс вообще не бывало никаких. Но он постоянно получал большие и маленькие ящики самых разнообразных форматов. Их приносили ему всегда посыльные. Что в них было такое - хозяйка не могла узнать, несмотря на все свои усилия. Беккерс запирался, вынимал из ящиков содержимое и потом отдавал пустые ящики ей на растопку.

Однажды после обеда ко мне пришла моя маленькая подруга. Я сидел за письменным столом, она лежала на диване и читала.

- Послушай, там два раза позвонили.

- Пускай, - проворчал я.

- Однако не открывают.

- Не беда...

- Твоей хозяйки, должно быть, там нет?

- Нет. Она ушла из дома.

В этот момент снова позвонили очень энергично.

- Я пойду открою! - сказала Анни. - В конце концов это, может быть, что-нибудь для тебя?

- Ну открой, если это доставляет тебе удовольствие. Но только будь осторожна.

Она вскочила.

- Не беспокойся! - промолвила она. - Я сначала загляну в замочную скважину.

Минуты через две она вернулась.

- Это посылка для тебя. Дай мне немного мелочи. Надо дать посыльному на чай.

Я дал денег, посыльный поставил в моей комнате четырехугольный ящик, поблагодарил и ушел.

- Посмотрим, что там такое! - воскликнула Анни и захлопала в ладоши.

Я встал и посмотрел посылку. На ящике не было никакого адреса.

- Я совершенно не знаю, от кого это может быть? - промолвил я. - Быть может, это ошибка.

- Как так? - воскликнула Анни. - Посыльный имел при себе записку, и в ней было написано: "Винтерфельдштрассе, 24, третий этаж, у госпожи Петерсен". А кроме того, он сказал: "Для господина доктора". Ведь ты доктор?

- Да! - сказал я. Неизвестно, почему, но я совершенно не подумал в эту минуту о Беккерсе.

- То-то оно и есть. Давай распаковывать ящик. Там. Наверное, какие-нибудь вкусные вещи!

Я попробовал вскрыть крышку ящика моим старым кинжалом. Но клинок сломался. Я поглядел кругом, но нигде не было никакого инструмента, который я мог бы употребить в дело.

- Ничего не выходит! Сказал я.

- Ты глуп! - рассмеялась Анни.

Она побежала на кухню и принесла оттуда молоток, щипцы и долото.

- Все это лежало в ящике кухонного стола. Ты ничего не знаешь.

Она опустилась на колени и принялась за работу. Но это было нелегкое дело: крышка сидела крепко. Бледные щеки Анни покраснели, а сердце стучало так, что почти слышны были его удары.

- Возьми! - сказала она, передавая мне инструменты и прижимая обе руки к груди. - Ах, глупое сердце!

Она была самое милое создание во всем мире, но такое хрупкое! С ней нужно было обращаться крайне осторожно: ее сердце было в большом беспорядке.

Я вытащил несколько гвоздей и приподнял крышку. Трах! Она наконец отскочила.

Вверху лежали опилки. Анни проворно засунула обе руки внутрь, а я это время повернулся, чтобы положить инструменты на стол.

- Я уже нашла! - вскрикнула она. - Это что-то мягкое!

Вдруг она испуганно вскрикнула, вскочила и повалилась навзничь. Я подхватил ее и положил на диван. Она лежала в глубоком обмороке. Я торопливо расстегнул ей блузу и расшнуровал корсет. Ее бедное сердечко опять дало знать о себе. Я взял одеколону и стал тереть ей грудь и виски, и, мало-помалу, сердце стало опять стучать.

В это время в наружную дверь постучали.

- Кто там?

- Это я.

- Войдите, но только проходите поскорее! - вскрикнул я, и Беккерс вошел.

- Что это такое? - спросил он.

Я рассказал ему, что произошло.

- Этот ящик прислан мне, - сказал он.

- Вам? Но что же в нем такое? Почему малютка так испугалась?

- О, ничего особенного.

- Там мертвые кошки! - воскликнула Анни, придя в себя. - Весь ящик битком набит мертвыми кошками!

Фриц Беккерс взял крышку, чтобы снова накрыть ящик. Я подошел и бросил беглый взгляд внутрь. Действительно, там были мертвые кошки. На самом верху лежал большой черный кот.

- Черт возьми, на что они вам?

Фриц Беккерс улыбнулся и медленно промолвил:

- Знаете ли, говорят, что кошачий мех очень помогает против ломоты и ревматизма. У меня есть старая тетка в Уседоме: она очень страдает ревматизмом, и вот я хочу послать ей кошачьи шкуры.

- Ваша противная старая тетка в Уседоме, наверное, чертова бабушка! воскликнула Анни, которая уже сидела на софе.

- Вы думаете? - промолвил Беккерс.

Он учтиво раскланялся, захватил ящик и ушел в свою комнату.

Неделю спустя снова пришла посылка на его имя, на этот раз по почте. Хозяйка пронесла ее через мою комнату и многозначительно кивнула мне. Вернувшись затем в мою комнату, она подошла ко мне, вынула из кармана записку и протянула мне.

- Вот что в посылке! - объявила она. - Я списала это с почтовой декларации.

Посылка была из Марсея и содержала двенадцать кило... мускуса! Количество, совершенно достаточное, чтобы обеспечить этим продуктом всех жриц Венеры в Берлине лет на десять.

Поистине, замечательный человек был этот господин Фриц Беккерс!

В другой раз, когда я, вернувшись домой, только что переступил порог, хозяйка, крайне взволнованная, кинулась ко мне:

- Сегодня утром он получил огромный ящик - метра в два длиной и полметра вышиной. Наверное, там гроб!

Но Фриц Беккерс через несколько часов вытащил ящик из комнаты и отдал его на дрова. И несмотря на то, что хозяйка во время уборки комнаты самым старательным образом совала нос всюду, она не могла открыть ничего такого, что имело хотя бы отдаленное сходство с гробом.

Мало-помалу наш интерес к тайнам Фрица Беккерса исчез. Он продолжал получать иногда таинственные ящики, по большей части маленькие - вроде того, в котором были мертвые кошки. Порой появлялись и длинные ящики, но мы отказались отгадывать эту загадку, тем более что Фриц Беккерс не имел в себе решительно ничего, бросающегося в глаза. Иногда вечером попозднее он заходил ко мне часа на два, и я должен сознаться, что беседовать с ним было большое удовольствие.

И вот тогда произошла со мной в высшей степени неприятная история.

Моя маленькая подруга становилась все капризнее. Памятуя об ее больном сердце, я принимал по отношению к ней всевозможные меры предосторожности, но она с каждым днем становилась все раздражительнее. Фрица Беккерса теперь она совсем не переносила. Если Фриц Беккерс заходил ко мне на минутку в то время, когда она сидела у меня, то каждый раз происходила сцена, кончавшаяся тем, что Анни падала в обморок. Она падала в обморок так часто, как другие чихают. Она постоянно падала в обморок - по всякому поводу, а очень часто и без всякого повода. И обмороки эти становились все длиннее и внушали мне все большие опасения. Я все время боялся, что она умрет на моих руках. Бедное милое создание!

Однажды под вечер она пришла ко мне веселая и довольная.

- Тетя уехала в потсдам! - промолвила она. - Я могу пробыть у тебя до одиннадцати часов.

Она заварила чай и уселась ко мне на колени.

- Дай мне прочитать, что ты написал.

Она взяла исписанные листки и прочла их. И осталась довольна написанным и в награду за это крепко поцеловала меня. Наши маленькие подруги - самая благодарная публика для нас.

Она была весела и здорова сегодня.

- Ты знаешь, я думаю, что моему глупому сердцу гораздо лучше. Оно стучит совсем спокойно и правильно.

Она взяла мою голову обеими руками и прижала мое ухо к своему сердечку, чтобы мне было слышнее.

Вечером Анни озабочилась составлением меню нашего ужина. Она записала все, что надо было: хлеб, малсо, ветчину, франкфуртские сосиски и яйца - и позвонила хозяйке.

- Вот! Ступайте и принесите все это! - приказала она. Но только посмотрите, чтобы вам дали хороший товар.

- Вы останетесь довольны, барышня: я позабочусь обо всем, как следует, - ответила хозяйка.

И она ласково погладила мозолистой рукой атласную ручку Анни. Я нахожу, что все берлинские квартирные хозяйки без ума от подруг их жильцов.

- Ах, как славно сегодня у тебя! - смеялась Анни. - Если бы только этот отвратительный Беккерс не приходил сюда!

И вот как раз именно он и явился. Тук-тук...

- Войдите!

- Я мешаю?

- Да, конечно, мешаете. Разве вы не видите, что мешаете! - воскликнула Анни.

- Я сию минуту уйду.

- Ах, вы все равно помешали нам. Едва вы просунете сюда голову, уже становится противно. Уходите же... Уходите же наконец? Чего же вы еще ждете? Вы - убийца кошек!

Беккерс уже взялся за дверную ручку, чтобы уйти. Он не оставался в комнате и минуты, но для Анни и это был слишком долгий срок. Она вскочила, ее белые руки схватились за край стола.

- Разве ты не видишь, что он хочет силой остаться здесь, этот человек? Вышвырни его вон! Защити же меня! Выгони его, эту гадкую собаку!

- Пожалуйста, выйдите отсюда, - обратился я к Беккерсу.

Он остановился в дверях и кинул на Анни еще один взгляд. Долгий, странный взгляд.

Анни пришла в неистовство.

- Вон! Вон, собака! - кричала она. - Вон!

Ее голос оборвался, глаза выступили из орбит. Судорожно сжатые пальцы медленно выпустили край стола, она безжизненно повалилась на диван.

- Ну, вот и готово! - воскликнул я. - опять обморок! Эти истории с ее сердцем

становятся совершенно несносными. Извините, господин Беккерс, она ведь серьезно больна, бедная малютка.

Как всегда, я растянул ее блузу и корсет и стал растирать ее одеколоном. Она не приходила в себя.

- Беккерс! - позвал я. - Принесите, пожалуйста, уксусу из кухни.

Он принес уксус, но и растирание уксусом не помогло.

- Пойдите! - промолвил он. - У меня есть кое-что другое.

Он ушел в свою комнату и возвратился с пестрой коробкой.

- Зажмите себе нос платком, - сказал он.

Затем взял из коробки кусок персидской камфары и поднес его девушке к носу. Камфара пахла так сильно, что у меня побежали по щекам слезы.

Анни вздрогнула. Продолжительная сильная судорога потрясла ее тело.

- Слава Богу, помогает! - вскрикнул я.

Она приподнялась, глаза ее широко раскрылись. И она увидела перед собою лицо Беккерса. Ужасный крик вырвался из ее посиневших губ, и тотчас же она упала снова в обморок.

- Новый обморок! Вот еще несчастье!

Снова пустили мы в ход все средства, какие только знали: воду, уксус, одеколон. Мы держали под самым ее носом персидскую камфару, запах которой заставил бы расчихаться мраморную статую. Она оставалась безжизненной.

- Черт возьми, славная история!

Я приложил ухо к ее груди и не мог расслышать ни малейшего удара. Легкие тоже не работали: я взял ручное зеркало и приставил его к полуоткрытым губам - ни единое легчайшее дыхание не помутило его поверхности.

- Я думаю... - сказал Беккерс. - Я думаю...

Он прервал сам себя:

- Надо позвать врача.

Я вскочил.

- Да, конечно. Сию же минуту. Напротив в доме есть врач... Ступайте туда. А я побегу на угол, к моему приятелю, доктору Мартенсу. Он, наверное, дома.

Мы вместе кинулись вниз по лестнице. Я слышал, как Беккерс уже звонил у подъезда напротив. Я побежал со всех ног и вот наконец уже стоял у двери доктора Мартенса и нажимал кнопку. Никто не являлся. Я позвонил еще раз. Наконец, я нажал кнопку и продолжал держать ее пальцем, не отпуская. Все еще никого. Мне казалось, что я стою здесь уже целые тысячелетия.

Наконец показался свет. Мне открыл сам доктор Мартенс в рубашке и туфлях.

- Что значит этот набат?

- Да я жду тут без конца...

- Извините. Прислуга ушла, я был совершенно один и, как видите, занимался туалетом. Я собираюсь уходить в гости. Что у вас такое случилось?

- Пойдемте со мной, доктор! Сию же минуту!...

- Как? В рубашке? Я должен, по крайней мере, надеть хоть брюки. Зайдите. Я буду одеваться, а вы в это время расскажете, что у вас случилось.

Я прошел за ним в его спальню.

- Вы ведь знаете маленькую Анни? Вы, кажется, встречали ее у меня. Так вот...

И я рассказал ему, в чем было дело. Наконец он был готов. О небо! Теперь он опять зажигает сигару.

На улице навстречу нам попался Беккерс.

- Ваш врач уже там, наверху? - спросил я его.

- Нет, но он должен прийти каждую секунду. Я поджидаю его здесь.

Когда мы подходили к дому, из противоположного дома вышел господин это был другой врач. Мы все четверо поспешили вверх по лестнице.

- Ну, где же наша пациентка? - спросил Мартенс, который вошел в мою комнату первым.

- Там, на диване, - сказал я.

- На диване? Там никого нет!

Я вошел в комнату - Анни там уже не было. Я онемел...

- Может быть, она очнулась от обморока и легла рядом на постель? заметил другой врач.

Мы вошли в спальню, но и там никого не было. И даже кровать была совершенно нетронута. Мы прошли в комнату Беккерса, но Анни не было и там. Мы искали в кухне, в комнате хозяйки, во всем этаже - повсюду. Она исчезла...

Мартенс смеялся:

- А ведь вы напрасно всполошили нас... Она преспокойно ушла домой, пока вы рассказывали нам, мирным гражданам, страшные истории.

- Но в таком случае ее должен был увидеть Беккерс. Ведь он все время был внизу, на улице.

- Я ходил то туда, то сюда, - сказал Беккерс. - Могло случиться, что она как-нибудь и проскользнула за моей спиной из дома.

- Но это же совершенно невозможно! - воскликнул я. - Она лежала без всякого движения, в состоянии полного оцепенения. Сердце не работало, легкие не действовали. Никто в таком состоянии не сможет ни с того ни с сего встать и благополучно уйти домой.

- Она разыграла перед вами целую комедию, ваша Анни, и, наверное, от души хохотала над вами, пока вы носились в полном отчаянии по лестницам - за помощью...

Врачи, смеясь, ушли. Вскоре после этого вернулась хозяйка.

- Ах, барышня уже ушла?

- Да, - сказал я, - она ушла домой. Со мной будет ужинать господин Беккерс. Могу я вам предложить, господин Беккерс?

- Благодарствуйте! - промолвил он. - С удовольствием.

Мы ели и пили.

- В высшей степени интересно было бы знать, что все это значит?

- Вы будете ей писать? - спросил Беккерс.

- Да. Конечно. Всего охотнее я сам бы сходил к ней завтра же. Предлог можно найти всегда, если б только я знал, где она живет.

- А вы не знаете, где она живет?

- Не имею ни малейшего представления. Я не знаю даже, как ее зовут. Я познакомился с нею месяца три тому назад в трамвае, а потом несколько раз встречался с нею в выставочном парке. Я знаю только, что она живет в ганзейском квартале, что у нее нет родителей, но зато есть богатая тетка, которая адски за ней надзирает. Я зову ее Анни, потому что это имя очень подходит к ее фигурке. Но она может зваться Ида, Фрида, Паулина - почему я знаю.

- Как же вы в таком случае переписываетесь с ней?

- Я пишу ей, - впрочем, довольно редко - на имя Анни Мейер, почтайт,

28. Не правда ли, какой хитроумный адрес?

- Анни Мейер, почтайт, 28, - задумчиво повторил Фриц Беккерс.

- Итак, prosit! - господин Беккерс. За наши дружественные отношения. Хотя анни терпеть вас не могла, все-таки сегодня вечером она уступила вам местою

- Prosit!

Стаканы зазвенели один о другой. Мы пили и болтали, и было уже очень поздно, когда мы расстались.

Я вошел в спальню и подошел к открытому окну. Внизу, под окном, расстился большой сад. Лунный свет играл на листьях, слегка трепетавших под тихим ветром.

И вдруг мне показалось, будто там, внизу, кто-то позвал меня по имени. Я внимательно прислушался - вот опять послышалось это... Э т о б ы л г л о л о с А н н и .

- Анни! - крикнул я в ночной тишине. - Анни!

Но ответа не было.

- Анни! - еще раз крикнул я. - Ты там, внизу?

Никакого ответа. Как она могла попасть в парк? И в такое время?

Несомненно, я был пьян.

Я лег в постель и в одно мгновение заснул. Часа два я спал очень крепко, но затем мой сон стал беспокойным, и я начал грезить. Я должен заметить, что со мною это бывает редко. Очень редко.

Она снова позвала меня...

Я увидел Анни: она лежала; над нею склонился Беккерс. Она широко открывала испуганные глаза. Маленькие ручки поднимались, чтобы оттолкнуть его. И вот бледные губы пошевелились, и из ее уст с несказанным усилием вырвался крик... мое имя.

Я проснулся. Я отер со лба пот и прислушался. И теперь снова услышал: тихо-тихо, но совершенно ясно и отчетливо она позвала меня. Я вскочил с постели и подбежал к окну:

- Анни! Анни!

Нет! Все было тихо. И я уже хотел снова лечь в постель, как она в последний раз позвала меня, - громче. Чем прежде, и как бы в безумном страхе.

Не было никакого сомнения - это был ее голос. Но на этот раз он раздавался где-то в комнате.

Я зажег свечу и стал искать под кроватью, за драпировками, в шкапу. Но совершенно напрасно. Там никто не мог бы спрятаться. Я вошел в кабинет. Но нет, ее нигде не было.

А если Беккерс... но эта мысль была уж слишком абсурдна. Впрочем, разве это невозможно? Не раздумывая долго, я подошел к его двери и повернул ручку. Она была заперта. Тогда я со всею силою навалился на нее: замок сломался, и дверь широко распахнулась. Я схватил свечку и ворвался туда.

- Что случилось? - спросил Фриц Беккерс.

Он лежал в кровати и протирал заспанные глаза. Мое подозрение оказалось, поистине, ребяческим.

- Извините меня за эти глупости! - промолвил я. - Я потерял рассудок из-за дурацкого сна.

И я рассказал ему, что мне приснилось.

- Замечательно! - промолвил он. - Я видел во сне совершенно то же самое...

Я взглянул на него: в его чертах сквозила высокомерная насмешка.

- Вам совершенно не для чего поднимать меня на смех! - проворчал я и вышел.

На другое утро я стал писать Анни длинное письмо. Фриц Беккерс вошел ко мне, когда я надписывал адрес. Он поглядел через мое плечо и прочитал: "Анни Мейер, почтампт, 28, до востребования".

- Если б вы только получили скорее ответ! - рассмеялся он.

Но я не получил никакого ответа. Спустя четыре дня я написал еще раз, а еще через две недели - в третий раз.

Наконец я получил ответ, но написанный совершенно чужим почерком:

"Я не хочу, чтобы отныне у вас в руках были письма, писанные моей рукой, и поэтому я диктую эти строки моей подруге. Я прошу вас немедленно возвратить мне все мои письма и все, что остается у вас на память обо мне. Вы можете сами догадаться о причине, почему я ничего не хочу более о вас знать: если вы предпочитаете мне вашего отвратительного друга, то мне ничего не остается другого, как уйти самой."

Подписи не было. К письму были приложены неспечатанными мои последние три письма. Я написал ей еще раз, но и это письмо получил спустя несколько дней обратно неспечатанным. Тогда я решился... Я уложил туда же еще кое-какие мелочи и послал все это по ее адресу до востребования.

Когда я вечером сообщил об этом Беккерсу, он спросил меня:

- Вы все возвратили ей?

- Да, все.
- Ничего не оставили у себя?
- Нет, решительно ничего. Почему вы спрашиваете об этом?
- Просто так. Так гораздо лучше, чем таскать с собой повсюду всевозможные воспоминания.

* * *

Прошло месяца два, и однажды Беккерс объявил, что он съезжает с квартиры.
- Вы уезжаете из Берлина?
- Да, - отвечал он, - я еду в Уседом, к моей тетке. Это очень красивая местность, Уседом.
- Когда вы уезжаете?
- Я, собственно, уже должен был бы уезжать. Но послезавтра один мой старый друг празднует юбилей, и я должен был обещать прийти к нему. Я был бы очень рад, если бы вы доставили мне такое удовольствие и отправились вместе со мной.
- На юбилейное празднество вашего друга?
- Да. Вы там увидите нечто совсем особенное. Совсем не то, что вы представляете себе. Впрочем, мы прожили вместе почти семь месяцев в полном мире, и я надеюсь, что вы не откажете мне в моей маленькой просьбе провести последний вечер вместе со мной.
- Упаси Боже! - ответил я.
Вечером, около восьми часов, Беккерс зашел за мной.
- Сию минуту! - промолвил я.
- Я пойду вперед, чтобы нанять извозчика. Я буду ждать вас внизу. Не могу ли я еще попросить вас надеть черные брюки, сюртук, цилиндр и захватить также черные перчатки? Вы видите, я одет точно так же.

"Вот еще, - проворчал я про себя, - хорошенький юбилей, нечего сказать".

Когда я вышел на улицу, Беккерс уже сидел на извозчике. Я уселся рядом с ним, и мы поехали через весь Берлин. Я не обращал внимания, по каким улицам мы едем. После долгой, почти часовой езды мы остановились. Беккерс расплатился с извозчиком и повел меня сквозь высокую арку ворот на длинный двор, окруженный высокою стеною. Он толкнул низенькую дверь в стене, и мы очутились около маленького домика, который прилегал вплотную к стене. Кругом расстился великолепный сад.

- Смотрите, пожалуйста. Еще один большой частный сад в Берлине. Никогда не узнаешь всех секретов в этом городе...

Но я не имел времени на более подробный осмотр. Беккерс был уже на верху каменной лестницы, и я поспешил за ним. Дверь была открыта. Из темной передней мы прошли в маленькую, скромно убранную комнату. Посредине стоял накрытый белой скатертью стол, а на нем большой кувшин с крюшоном. Направо и налево от него горели свечи в двух высоких церковных светильниках из тяжелого старинного серебра. Два таких же высоких пятисвечных светильника стояли на превращенном в буфет комоде и бросали свет на большое блюдо с сэндвичами. На стенах висели две-три старых олеографии, на которых едва можно было различить краски, и множество венков с прекрасными широкими шелковыми лентами. Юбиляр был, очевидно, оперный певец или актер. И какой замечательный! Такого количества венков я не видел ни у одной, хотя бы даже самой популярной, дивы. Они висели от пола до потолка - по большей части старые и выцветшие, но среди них были и совсем свежие, очевидно, только что поднесенные юбиляру по случаю его юбилея.

Беккерс представил меня:

- Я вам привел моего друга, - промолвил он, - господин Лауренц, его супруга и семейство.

- Отлично, отлично, господин Беккерс! - проговорил юбиляр и потряс мне руку. - Это высокая честь для нас!

Я видал немало редких типов, расцветающих и отцветающих на сцене, но такого, признаюсь, не видал... Вообразите себе: юбиляр был необычайно, исключительно мал и

имел, по меньшей мере, семьдесят пять лет от роду. Его руки были так же мозолисты и жестки, как старая солдатская подошва. При этом несмотря на то, что он, по случаю юбилея, очевидно предпринял самую энергичную чистку их, они были темно-коричневого, землистого цвета. Его высохшее лицо походило на картофельную кожуру, которая два месяца лежала на солнце. Его длинные уши торчали, словно семафоры. Над его беззубым ртом свешивались растрепанные седые усы, топорщившиеся от нюхательного табака. Тонкие волоски неопределенного цвета были приклеены то здесь, то там на его бледном черепе.

Его жена, особа почти одних лет с ним, налила нам вина и поставила перед нами тарелку с сэндвичами, колбасой и ветчиной. Сэндвичи, впрочем, имели очень аппетитный вид, и это отчасти примирило меня с нею. На ней было черное шелковое платье, черная брошь и черные же браслеты. Остальные присутствующие - человек пять-шесть - были тоже в черном. Один из них был еще меньше ростом и еще старше, чем юбиляр, другие могли иметь лет сорок-пятьдесят.

- Ваши родственники? - спросил я господина Лауренца.

- Нет. Вот только тот - одноглазый - мой сын. Остальные - мои служащие.

Итак, это были его служащие! Таким образом, мое предположение, что господин Лауренц был звездой сцены, оказалось неверным. Но в таком случае откуда же он получил все эти великолепные венки? Я прочел посвящения на шелковых лентах. На одной - черно-бело-красной - ленте было напечатано: "нашему храброму начальнику. Верные гренадеры крепости С.-Себастьян" Стало быть, он был гарнизонный командир! На другой ленте я прочел: "Избиратели в рейхстаг от христианского центрального комитета". Значит, он играл роль в политике! "Величайшему Лозэнгину всех времен..." Итак, он все-таки был оперный певец! "Незабвенному коллеге. Берлинский клуб печати." К тому же еще и человек пера?... "светочу немеукой науки, украшению немецкого гражданства. Союз сободомыслящих." Поистине, выдающийся человек этот господин лауренц! Мне сделалось стыдно, что я никогда не слышал о нем. Красная, как кровь, лента имела надпись: "певцу свободы - люди труда". На другой - зеленой можно было прочесть: "Моему дорогому другу и соратнику. Штеккер, придворный проповедник".

Что это был за редкий человек, который знал и умел все и пользовался одинаковым почетом во всех сферах и областях? Посреди стены висела огромная лента с тремя вескими словами: "Величайшему сыну Германии..."

- Извините меня, господин Лауренц, - скромно начал я, - я глубоко несчастлив, что до сих пор ничего не слышал о вас. Могу я предложить вам вопрос?

- Конечно! - промолвил весело лауренц.

- Какой, собственно, юбилей празднуете вы сегодня в таком восхитительно-тесном семейном кругу?

- Стотысячный! - ответил Лауренц.

- Стотысячный? Спросил я.

- Стотысячный! - повторил Лауренц и плюнул мне на сапог.

- Стотысячный!... - задумчиво произнес одноглазый сын. Стотысячный!...

- Стотысячный!... - повторила госпожа Лауренц. - Могу я налить вам еще стакан вина?

- Стотысячный! - сказал Лауренц еще раз. - Не правда ли, хорошенькое число?

- Очень хорошенькое! - сказал я.

- В самом деле, это очень хорошенькое число! - сказал Фриц беккерс. Он встал и поднял свой стакан. - Сто тысяч. Исключительно прекрасное число. Сто тысяч. Вы подумайте только.

- Чудесное число! - произнес тот гость, который был еще меньше и старше господина Лауренца. - Совершенно чудесное число. Сто тысяч.

- Я вижу, вы понимаете меня. Господа, - продолжал Фриц Беккерс, - и поэтому я считаю лишним распространяться по данному поводу. Я ограничусь только одним словом: сто тысяч. А вам, милый юбиляр, я желаю еще сто тысяч!

- Еще сто тысяч! - воскликнули жена господина Лауренца. И его сын, и его служащие, и

все чокнулись с юбиляром.

Меня озарило: Лауренц накопил первые сто марок или талеров и поэтому угощал вином.

Я тоже взял стакан и чокнулся с ним:

- Позвольте и мне с искренним сердцем присоединиться к пожеланию, высказанному господином Беккерсом. Еще сто тысяч. Prosit! Non olet!

- Что он сказал? - обратился юбиляр к беккерсу.

- Non olet. - Не пахнет, - пояснил тот.

- Не пахнет? - Лауренц рассмеялся. - Знаете что, молодой человек, вы могли бы с полным основанием заткнуть себе нос. Почти все пахнут. Мне вы можете верить...

Каким же, спрашивается, плутовским способом этот старый грешник мог приобретать свои капиталы, если он так цинично говорил об этом?..

Беккерс снова поднялся и взял пакет, который он перед тем положил на комод.

- Я позволю себе предложить вам, господин Лауренц, маленький знак нашей признательности, а вместе с тем воспоминание о нашей дружбе и о вашем прекрасном юбилее.

Он вынул из пакета большой белый череп, красиво оправленный в серебро. Верхняя часть черепа была отпилена и снова приклепелна на свое место посредством шарнира, так что могла двигаться подобно крышке пивной кружки.

- Дайте мне ложку! - воскликнул он. Затем он наполнил череп доверху вином, выпил и протянул юбиляру. Тот в свою очередь выпил и передал череп соседу. И таким образом череп сделал круг.

- Знаешь, старуха, - рассмеялся юбиляр, - он годится для моего утреннего пива.

Фриц Беккерс посмотрел на часы.

- Четверть одиннадцатого. Я должен поспешить: мой поезд скоро отходит.

- Дорогой друг и благодетель, - промолвил юбиляр, - еще немножко. Еще хоть четверть часика. Прошу вас, дорогой друг и благодетель.

Фриц Беккерс был благодетелем этого знаменитого человека. Это становилось все загадочнее.

- Нет, не могу, - энергично сказал благодетель и протянул мне руку. До свидания.

- Я иду с вами.

- Для вас это будет слишком большой крюк. Мне надо на Штеттинский вокзал. Я дойду до ближайшей стоянки извозчиков и пошлю извозчика также и для вас. Adieu! Я должен поспешить, иначе я прозеваю поезд.

Все вышли проводить его. Я остался один и пил вино. Старик вернулся, чтобы налить мне еще стакан.

- Знаете что? - обратился он ко мне. - если вам понадобится что-нибудь, пожалуйста ко мне. Я обслуживаю своих клиентов очень хорошо. Вы можете спросить об этом господина Беккерса. Только свежий товар...

Итак, это был купец. Наконец я выяснил это.

- Хорошо. Если будет нужно, я обращусь к вам. Но в данный момент у меня уже есть поставщик...

- Ка-а-ак? Кто же такой? - юбиляр почему-то очень испугался.

По правде сказать, я не имел ни малейшего представления о том, чем, собственно. Он торгует.

- Вертгейм, - сказал я. Это имя показалось мне наиболее надежным.

- О, эти универсальные торговли! - простонал он. - они разоряют маленьких людей. Но вас обслуживают, наверное, недостаточно хорошо? Попробуйте у меня. То, что вы получаете у вертгейма, вероятно, очень неважно по качеству. Гнилые рыбы...

А, так он был рыботорговцем! Наконец! Я уже почти собрался сделать ему заказ, но мне вспомнилось, что теперь конец месяца.

- До первого числа я еще не нуждаюсь, но на следующий месяц можете прислать мне

что-нибудь. Дайте мне ваш прейскурант.

Старик был очень смущен.

- Прейскурант? Разве у вертгейма есть прейскурант?

- Конечно, есть. Умеренные цены и хороший товар. Совершенно свежий. Живой.

Юбиляр в ужасе вскочил и почти без сознания упал в объятия к своей жене.

- Старуха! - простонал он. - В е р т г е й м п о с т а в л я е т ж и в ы х!

В этот момент я услышал, что к дому подъехали дрожки. Я воспользовался смятением, выбежал из комнаты, схватил пальто и шляпу и вскочил на извозчика.

- Кафе "Secession"! - сказал я ему.

Ошади тронулись. Я бросил назад беглый взгляд и увидел сбоку у двери маленькую белую вывеску. Я прищурил глаза, чтобы лучше видеть, и с некоторым трудом прочитал:

"Якоб Лауренц.

Могильщик".

... Тысяча чертей! Юбиляр был могильщик.

* * *

Через несколько месяцев после отъезда Беккера я тоже собрался съезжать из своей комнаты. Хозяйка помогала мне укладывать чемоданы и ящики. Я стал заколачивать гвоздями ящик с картинами, как вдруг рукоятка молотка сломалась.

- Ах черт! - воскликнул я.

- У меня есть еще другой молоток, - сказала хозяйка, которая в это время артистически укладывала мои костюмы. - Погодите, я принесу.

- Оставайтесь. Я сбегаю сам. Где он у вас лежит?

- В кухонном столе, в выдвижном ящике. Но только в самом низу.

Я отправился в кухню. Ящик кухонного стола был битком набит нужными и ненужными предметами. Всевозможные инструменты, иголки. Нитки, кнопки, дверные ручки, ключи... Вдруг мне бросилась в глаза голубая ленточка с маленьким золотым медальоном. Неужели это был медальон Анни? Я открыл его; там была выцветшая маленькая фотография - портрет ее матери. Она всегда носила это единственное воспоминание об умершей на своей груди как амулет.

- Я хочу взять его с собой в могилу, - сказала она мне однажды.

Я унес медальон с собой в комнату.

- Откуда вы его достали? - спросил я хозяйку.

- Это я нашла намердн, когда прибирала комнату господина Беккера. Он лежал в маленькой комнатке, в темном углу. Я хотела сохранить его для господина Беккера: может быть, он снова приедет сюда.

- Я возьму его себе, - сказал я.

Я положил медальон в мой бумажник, и он лежал там в течение нескольких лет. А позднее я пожертвовал его в Музей естествознания на улице Инвалидов. Это было совсем недавно - неделю тому назад.

Дело было так.

Я сидел в кафе "Монополь" и читал газеты. Вдруг в кафе влетел маленький Беерман из "Биржевого курьера".

- Кофе по-венски, сударь? - спросил его кельнер.

- Кофе по-венски!

Он уселся за маленький столик и стал протирать пенсне. Затем надел его и оглянулся.

- А, это вы? - воскликнул он, заметив меня. - Фриц, подайте кофе на тот столик.

Он уселся ко мне, и кельнер подал ему кофе.

- Вы, венцы, ужасные люди. Ну как можно пить такую бурду?

- Вы находите? - промолвил он. - Я очень рад, что встретился с вами. Вы должны оказать мне большую услугу.

- Гм... - промычал я. - Я не имею сегодня вечером абсолютно никакого времени.

- И все-таки вы должны помочь мне. Непременно. Кроме вас, здесь сейчас нет никого, а

я должен сейчас снова уйти.

- А в чем дело?

- Мне нужно быть на первом представлении в "Немецком театре". А между тем я вспомнил, что мне предстоит еще одно дело сегодня вечером, о котором я совсем было позабыл.

- Что именно?

- Сегодня вечером профессор Келер делает в Музее естествознания доклад о новых египетских приобретениях этого музея. Очень интересная вещь. Весь Двор будет там сегодня.

- Чрезвычайно интересно.

- Не правда ли?

- Так сделайте мне такое одолжение, пойдите туда. Я буду вам очень благодарен.

- Мне надо подумать об этом... Впрочем, знаете что? Меня это вовсе не интересует.

- Пожалуйста! Это же самая последняя злоба дня. Все новые находки будут показаны публике. Я очень несчастен, что не могу попасть туда.

- Давайте устроимся так: вы пойдете в музей, а я - в театр?

- Невозможно. К сожалению, совершенно невозможно! Я обещал моей кузине взять ее сегодня в театр.

- Что же вы раньше не сказали?

- Ну пожалуйста. Сделайте мне такое одолжение. Вы не будете сожалеть. Вы выведете меня из очень затруднительного положения.

- Но...

Он вскочил и бросил на стол мелочь.

- Фриц, получите за кофе. Вот вам билеты. Два. Вы можете еще кому-нибудь другому доставить удовольствие.

- Приятное удовольствие, нечего сказать... Я...

- Да, еще вот что: не забудьте ваш отчет о докладе сунуть в почтовый ящик еще сегодня же, чтобы я нашел его в редакции с первой же почтой. Очень благодарен. Готов служить вам всегда...

И он исчез.

Билеты лежали передо мной. О небо! Я в самом деле должен был выполнить его просьбу: он сам часто оказывал мне одолжение. Ужасный человек.

Я даже не пытался передать билеты кому-нибудь другому. Я прекрасно знал, что это не удастся.

Разумеется, я отправился в музей только тогда, когда уже три четверти доклада были прочитаны. Я подсел к одному из корреспондентов и попросил у него его заметки. Я узнал из них, что музей, благодаря царственной щедрости господ коммерции советников Брокмюллера ("Яволь") и Лилиенталя ("Одоль"), получил счастливую возможность купить за огромную сумму все великолепные находки, добытые в пирамидах Тогбао и Кума. Эти почти совершенно разрушенные пирамиды были открыты одним молодым исследователем в нескольких сотнях километров к югу от озера Чад, в стране Рабех, где молодой немецкий ученый был в течение долгих лет пленником. 22 апреля 1900 года правитель этой страны был убит французами в битве при Лами, и голова его была доставлена индийским стрелком во французский лагерь. Сын убитого, фадель-Аллах, бежал в страну Борну и захватил с собой туда и немецкого ученого. Там. В стране Борну, правительница этой страны, сестра Фадель-Аллаха, воинственная амазонка Хана, взяла молодого немца себе в мужья. Когда затем 23 августа 1901 года англичане напали ночью под Дангевилем на туземный лагерь, где находились Фадель-Аллах и наш немец, и перебили сонных туземцев всех без остатка, молодой ученый наконец получил свободу. Он отправился к племени сенусси. Глава которого принял его, как немца, весьма любезно и оказал ему всевозможные услуги, так как эти фанатические мусульмане, заключившие союз с ненавистниками французов - туарегами - совершенно изменили теперь свою политику по отношению к Франции. С помощью этих

людей немецкому ученому удалось сберечь найденные им сокровища и переправить их через Северный Камерун на африканское побережье, а оттуда в Германию.

К сожалению, сам ученый не присутствовал на докладе: несколько недель спустя после своего прибытия в Европу он снова уехал в Центральную Африку.

Зато, слава Богу, здесь присутствовали оба коммерции советника. Они оба сидели рядышком в первом ряду и так раздувались от славы и сознания, что они участвовали в отыскании следов древнеегипетской культуры на берегах озера Чад...

- Теперь я попрошу вас, - закончил свой доклад профессор Келер, подойти поближе и лично осмотреть наши бесценные приобретения.

И он отдернул занавес, за которым скрывались все эти сокровища.

- Вероятно, вам неизвестно, что в Древнем Египте кошки считались священными животными, так же, как крокодилы, ибисы, кобчики и все те млекопитающие, которые были посвящены Пта, то есть имели белое треугольное пятно на лбу. Вследствие этого все эти животные, подобно фараонам, верховным жрецам и знатым людям, подвергались после своей смерти бальзамированию. Почти во всех пирамидах встречаются мумии кошек. Наша находка в этом последнем отношении чрезвычайно богата - доказательство того, что египетские колонии в области озера Чад происходили из кошачьего города Бубастис. Мы насчитываем не менее как двести шестьдесят восемь экземпляров этих реликвий из седого прошлого.

И профессор гордо указал на длинные ряды маленьких мумий, которые имели вид высохших грудных младенцев в пеленках.

- Далее вы видите, - продолжал он, - тридцать четыре человеческих мумии - великолепнейшие экземпляры, которые отныне, несомненно, послужат предметом зависти для всякого другого музея. А именно: эти мумии ничуть не подходят на мемфисские - черные, высохшие и легко рассыпающиеся мумии. Но имеют сходство с фиванскими - желтыми. Отливающимися матовым блеском. Можно, поистине, удивляться изумительному искусству древнеегипетских бальзамировщиков. А теперь я перехожу к прекраснейшему перлу нашего богатого собрания, к лучшему украшению нашего музея: перед вами лежит настоящий тофар. Тофар-мумия или тофар-невеста...

Только три таких мумии знает современный свет: одна была пожертвована в 1834 году лордом Гэйтгорном в лондонский South-Kensington Museum. Другая, по-видимому, супруга фараона Меревра, из Шестой династии, жившего за две тысячи пятьсот лет до Рождества Христова, находится в обладании гарвардского университета, будучи подарена последнему известным миллиардером гуллем, который купил ее у хедива Тевфика за огромную сумму в восемьдесят тысяч долларов. Наконец, третий экземпляр имеется теперь в нашем музее, благодаря великодушной щедрости и высокому уважению и любви к науке господ коммерции советника Брокмюллера и Лилиентала.

"Яволь" и "Одоль" сияли своими жирными физиономиями.

- "Тофар-мумия", - продолжал профессор, - является памятником одного своеобразнейшего и вместе с тем ужаснейшего обычая, какие только знает мировая история. Подобно тому как в Древней Индии существовал обычай, согласно которому вдова следовала за своим мертвым супругом на могильный костер и сгорала заживо, так в Древнем Египте считалось знаком величайшей супружеской верности, если супруга скончавшегося следовала за ним в жилище вечного успокоения и обрекала себя на бальзамирование в ж и в о м в и д е... Я прошу вас принять во внимание то обстоятельство, что бальзамированию подвергались только трупы фараонов и знатнейших лиц; примите далее во внимание также то, что это неслыханное доказательство супружеской верности было добровольным и что таким образом лишь немногие женщины решались на это, - и вы поймете, как невероятно редки такие мумии. Я утверждаю, что во всей египетской истории церемония подобного жерствоприношения совершалась всего шесть раз. "Тофар-невеста", как ее называли египетские поэты, в сопровождении большой свиты спускалась в подземный город мертвых и там поручала свое тело ужасным бальзамировщикам. Эти последние проделывали с нею те

же манипуляции, что и с трупами, но только с тем различием, что они совершали свою работу очень медленно - с тем расчетом, чтобы тело как можно дольше сохраняло свою жизнь. Способ и искусство бальзамирования египтян нам еще мало известны. Мы знаем об этом лишь кое-что, почерпнутое нами из весьма скудных заметок Геродота и Диодора. Одно можно считать совершенно установленным: "тофар-невеста" превращалась в мумию в живом виде и с величайшими страданиями. Правда, для нее существовало некоторое слабое утешение: ее мумия не подвергалась засыханию. Ее тело оставалось таким же, каким оно было при жизни, и не теряло ни единой своей живой краски. Вы можете убедиться в этом сами: можно подумать, что эта прекрасная женщина только что сейчас заснула.

С этими словами профессор отдернул шелковое покрывало.

- А!... Ах! А-а! - разалось вокруг.

На мраморном столе лежала молодая женщина, завернутая по грудь в тонкие полосы полотна. Плечи, руки и голова были свободны, черные локоны вились над ее лбом. Тонкие ногти маленьких рук были выкрашены, а на левой руке, на третьем пальце, было надето кольцо с изображением священного жука. Глаза были закрыты, черные ресницы тщательно удлинены подрисовкой.

Я подошел к ней вместе с другими совсем близко, чтобы получше рассмотреть...

П р а в е д н ы й Б о ж е ! Э т о б ы л а А н н и !...

Я громко вскрикнул, но мой крик потонул в шуме толпы. Я хотел говорить, но не мог пошевелить языком и в безмолвном ужасе смотрел на мертвую.

- Эта "тофар-невеста", - продолжал между тем профессор, - несомненно, никоим образом не феллахская девушка. Черты ее лица представляют собою явный тип индогерманской расы. Я подозреваю, что это - гречанка. И факт этот вдвойне интересен: он указывает нам на следы не только египетской, но и эллинской культуры на берегах озера Чад, в Центральной Африке.

Кровь застучала у меня в висках. Я схватился за спинку стула, чтобы не упасть. В этот момент на плечо мне легла чья-то рука.

Я повернулся и увидел перед собой гладковыбритую физиономию... О небо! Я все-таки сразу узнал его. Это был Фриц Беккерс.

Он взял меня за руку и вывел из толпы. Я последовал за ним почти безвольно.

- Я подам на вас жалобу прокурору, - прошипел я сквозь зубы.

- Вы не сделаете этого. Это было бы совершенно бесцельно, и вы только сами нажили бы себе неприятности. Я - никто. Абсолютно никто. Если вы всю землю просеете сквозь решето, вы и тогда не найдете Фрица Беккерса. Так назывался я только на Винтерфельдштрассе.

Он засмеялся, и его лицо приняло отвратительное выражение. Я не мог глядеть на него, отвернулся и стал глядеть на пол.

- А впрочем, - прошептал он мне на ухо, - разве не лучше так?... Ведь вы поэт... Неужели ваша маленькая подруга не милее для вас в таком виде, в сиянии вечной красоты, чем прожранная червями на берлинском кладбище?

- Сатана! - бросил я ему в упор. - Гнусный сатана!

Я услышал за собой легкие удаляющиеся шаги. Я взглянул и увидел, как Фриц Беккерс проскользнул в дверь и исчез.

Профессор кончил доклад. Разадались громкие рукоплескания. Его поздравляли, к нему тянулись для рукопожатия бесчисленные руки. Точно так же были чествуемы и господа коммерции советники. Толпа начала тесниться к выходу. Никем не замеченный, я подошел к мертвой. Я вынул из кармана медальон с портретом ее матери и тихонько положил его на молодую грудь, под холщовую пелену. Затем я наклонился над нею и тихо поцеловал ее между глаз.

- Прощай, милая маленькая подруга! - сказал я...